

Александр ГОРОДНИЦКИЙ

МОЙ ГОРОД

Великих архитекторов творенья,
Со школьных лет привычные для глаз, —
Дворец Аничков, созданный Кваренги,
И Горного дорический анфас.
Был ими путь мой с детства обозначен,
Которому идет теперь конец.
Не потому ль стишки писать я начал,
Что мне ходить хотелось во дворец?
Не потому ли этот путь мой торный
Был неовозвратно тем определен,
Что я потом пошел учиться в Горный,
Под сенью воронихинских колонн?
Я помню крики мартовские птичьи,
В окне, где из рассеявшейся тьмы,
Сиял Исакий в золотом обличье,
Блокаду переживший, как и мы.
Мне с давних лет запомнилось прекрасно:
Когда военный разошелся дым,
Как с купола его сдирали краску,
Чтоб стал он, как и прежде, золотым.
Мне в память с детства врезалось весомо,
Как вынутого снова из земли,
От гибели спасенного Самсона
По Невскому торжественно везли.
И залпом салютующих орудий
Гремела Петропавловки стена,
И плакали на тротуарах люди
От счастья, что закончилась война.
Я думаю об этом на рассвете,
Отечества вдыхая горький дым.
Кто с городом прошел все годы эти,
Не уживется с городом другим.

Александр Моисеевич Городницкий родился в 1933 году в Ленинграде. Советский и российский ученый-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук. Широко известен как поэт, бард, считается одним из основоположников авторской песни. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы. Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН.

УХОДЯЩИЕ НАТУРЫ

Никите Благово

Ангел, повернувшийся по ветру,
Белой ночи сумеречный сон.
Ленинград сегодня — город-ретро
В Петербурге нынешних времен.
Для потомков отдаленней Трои —
Позабытый нынче Ленинград,
И его злодеи, и герои,
И надгробий пискаревских ряд.
Прежних не забывшие названий,
В городе, что был нам дорогим,
Мимо с детства нам знакомых зданий
Мы идем по улицам другим.
Уходя вдогонку Ленинграду,
Мы от вас сегодня далеки,
Дети, пережившие блокаду,
Немощные нынче старики.
Завершая на рассвете хмурым
Список нескончаемых потерь,
Все мы, уходящие натуры,
Закрываем за собою дверь.

МОСТ ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА

Мне этот мост с рождения знаком.
Он с довоенным детством в двуединстве,
Связавший навсегда с материком
Тот остров, на котором я родился.
Бежала к морю невякая вода.
Кричали чайки в высоте сердито.
В те давние забытые года
Носил он имя лейтенанта Шмидта.
Не оттого ли, хоть и мал я был
И плохо знал историю, однако,
Я лейтенанта Шмидта полюбил,
Еще не прочитавший Пастернака?
Среди блокадной тягостной зимы,
Порою невеселою суровой,
Из проруби отсюда воду мы
Таскали в январе сорок второго.
И вот теперь, и сам я не пойму,
Когда немного жить уже осталось,
Мне этот мост, неясно почему,
Внезапно вспоминается под старость.

Мне снятся снова невская волна
Холодную осеннюю порою,
Буксиры, что носили имена
Французской революции героев.
Мне видятся знакомые места
И фонарей сияющие пятна.
Стою у разведенного моста
И жду, когда сведут его обратно.

ОМСК

Мусорили пухом тополя
На асфальте, шинами истертом.
Я читал стихи в госпиталях
В сорок третьем и сорок четвертом.
С обожженных порохом полей
Раненых везли туда, где тише.
Много было тех госпиталей
В Омске, нас в ту пору приютившем.
Солнечный в окне струился свет.
Звали в наступление плакаты.
Было мне в ту пору десять лет,
Хилому заморышу блокады.
В те полузабытые года,
К встрече подготовившись толково,
«Жди меня» читал я им тогда
И «Землянку», помнится, Суркова.
И, стихи по-своему ценя,
На кроватях или за столами,
Раненые слушали меня,
Не стучать стараясь костылями.
За стеной июльский плавал пух,
Дальних поездов скороговорки,
И висел в палатах терпкий дух
Йода, дезинфекции, махорки.
Было гонораром молоко,
Каши остывающая миска.
Было до победы далеко,
И до Ленинграда мне неблизко.

ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Нашел случайно в позабытой книжке
Я снимок, что судьба уберегла, —
Наш литкружок, — девчонки и мальчишки,
Сидящие у круглого стола.

Осенний дождь шумит над Ленинградом,
В окне на Невском вспыхивает свет.
А это я, сидящий с ними рядом, —
Мальчишечка четырнадцати лет.
А около меня сидят на стульях
Все те, с кем вместе в годы эти рос:
Куклин, и Британишский, и Нафтульев,
Наташа Банк и Ленечка Эфрос.
Еще свою не проторивший тропку,
У первой обозначенной вехи
Сижу я здесь, внимательно и робко
Чужие чьи-то слушая стихи.
И слева живы все еще, и справа,
И я, полуоткрыв наивно рот,
Вдыхаю эту сладкую отраву,
Что жизнь мою ломает наперед.

* * *

Якову Гордину

Далеких времен отголоски
Мне ветер случайно принес.
С Довлатовым вместе и Бродским
В один мы попали донос.
Поземка метет над Невой,
Мостов заметая края.
Из списка осталось нас двое:
Приятель мой Гордин и я.
Мне вспомнятся годы лихие
И зелень могильной травы.
Донос тот хранится в архиве,
Для нас недоступном, увы.
Припомнит, возможно, философ,
Как национальный недуг,
То время всеобщих доносов
И стук, обгоняющий звук.
Сегодня порядки другие,
Но вижу, куда ни взгляну,
Что гложет по ним ностальгия
Безумную нашу страну.

НА МАТЕРИК

Возле зоны, по легенде местной,
Там, где чайки заполярной крик,
Захоронен автор неизвестный,
Сочинивший песню «Материк».

То ль его прикончил, доходягу,
Зэковский невыносимый быт,
То ль за песню, вредную ГУЛАГу,
Был он вертухаями убит.
И с тоскою, вязкою и странной,
В этот край попавший аноним,
Я смотрю на камень безымянный,
Что поставлен, видимо, над ним.
У него я, рассуждая здраво,
За сомненья, Господи, прости,
Отобрал бы авторское право,
Если б этим мог его спасти.

ПОЛУНОЧНАЯ СИРЕНА

Когда за окном медицинская воеет сирена,
В себе ощущаю я угол предельного крена,
Друзей моих нету, и время сегодня иное.
Спасибо, что это пока что еще не за мною.
Когда за окном полуночная воеет сирена,
Тридцатых годов вспоминаю домашние стены
И шепот отца, когда звук этот шел стороною:
«Спасибо, что это пока что еще не за мною».
Когда за окном полуночная воеет сирена,
Родной Ленинград вспоминается мне неизменно,
И снова меня заставляет подумать о Боге
Неистовый зов позабытой воздушной тревоги.
Когда за окном полуночная воеет сирена,
Мне близость беды напрягает усталые вены,
И я понимаю, со страхом смотря из окна,
Что дом загорелся мой, город мой или страна.
Непросто живется, когда по соседству больница.
Наутро качнется на ветке в окошке синица,
И черные сны остаются опять за спиною.
Спасибо, что все это было пока не со мною.

КАРАНТИН

Который день сидим в карантине.
Погода улыбается в окне,
Где новоселье птиц в весенних гнездах.
Разглядываю снимки на стене.
На улицу хотелось бы и мне,
Но выходить запрещено на воздух.
Причин особых радоваться нет,
Когда откроешь утром Интернет,
Где перечень потерь за сутки вырос.

Не хочется, надежде вопреки,
Сидеть, как и другие старики,
И ждать, когда тебя прикончит вирус.
Который день сидим в карантине,
Где оптимизма не найдешь в вине.
В экране озабоченные лица.
И вынуждает старая карга
Смотреть на друга, словно на врага,
Несущего опасность заразиться.
Над штормовую бездною рябой
Бороться с ситуацией любой
Когда-то обучали нас на флоте,
Но необычный враг перед тобой,
И в сотни раз труднее этот бой, —
Противник повсеместен и бесплотен.
Который день сидим в карантине,
Где снова возвращаюсь я во сне
К морозному пустому Ленинграду
И, просыпаясь, думаю о том,
Что пандемию мы переживем,
Как пережили некогда блокаду.